

Николай Д. Ерофеев
(Москва)

ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
И РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

События, названные в заголовке моего сообщения, являются не только вехами во внутренней истории России, но и оказали существенное влияние на ее внешнюю политику и на систему международных отношений в целом. Свою задачу я видел в том, чтобы показать те изменения, которые произошли во всей структуре внешнеполитической деятельности царизма вследствие этих событий, и прежде всего в содержании, характере и направленности этой деятельности.

Среди условий, необходимых для решения поставленной задачи, первостепенное место имело достаточно четкое, ясное представление о российской внешней политике, как системе, к началу рассматриваемого периода, то есть, перед русско-японской войной и революцией. На рубеже XIX–XX вв. Россия оставалась великой мировой державой. Но несмотря на достаточно высокие темпы своего экономического развития в пореформенный период, она по своей мощи уступала развитым европейским странам. Развернутые министром финансов С. Ю. Витте индустриализация и крупное железнодорожное строительство, в целях утопической идеи догнать эти страны при сохранении пошбшего авторитарного режима царизма, закончились глубоким экономическим кризисом начала 900-х годов, затем длительным периодом стагнации. И без того низкая платежеспособность населения, прежде всего многомиллионного крестьянства, была окончательно подорвана. Естественно, что царизм, испытывая недостаток капиталов, не мог достойно соперничать с развитыми империалистическими государствами в начатой ими гонке вооружений. Отсюда фарс с инициативой международной конференции 1899 г. по ограничению вооружений. Этим

объясняется главным образом та сдержанность, которую проявляла царская дипломатия в тех стратегически важных регионах, где экспансионистские интересы царизма непосредственно сталкивались с интересами таких сильных держав, как Германия и Великобритания. Царизм бессилён был противопоставить что-либо адекватное усиливавшейся экономической и политической экспансии Германии на Ближнем Востоке. Упрямо отвергались неоднократные предложения Англии, увязшей в войне с бурами, о четком разграничении сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Однако свои сохранявшиеся имперские амбиции в этих регионах Николай II мог решить лишь играми на карте.

К началу 900-х годов в правящих кругах России было достаточно прочно усвоено и то, что путь к вожденным средиземноморским проливам лежит через большую европейскую войну, ни сил, ни средств вести которую у России в то время не было. Положение статус-кво в Европе наиболее приемлемо было для России. Опорой такой политики являлся заключенный в начале 90-х годов Александром III союз с республиканской Францией, как противовес Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Важно также подчеркнуть, что своим главным противником на внешнеполитической арене царизм продолжал традиционно считать Англию. Одну из реальных возможностей для нейтрализации империалистических устремлений „коварного Альбиона” царская дипломатия видела в создании союза России, Германии и Франции. Идея такого союза находила полное понимание в Германии, надеявшейся таким образом сколотить блок континентальных держав против своего основного конкурента в борьбе за мировое господство – Англию, нейтрализовать реваншистские страсти и территориальные претензии Франции и надежно привязать к колеснице своей внешней политике Россию. Настойчивость Вильгельма II в реализации подобного союза возрастала по мере того, как ослабевала мощь России в поражениях русско-японской войны и революционных потрясениях, пока не нашла своего воплощения в Бьеркском договоре, подписанном германским и российским императорами в июле 1905 г. В ряду причин и обстоятельств, определивших согласие Николая II на подписание этого договора, была и та моральная и материальная помощь, которую оказывал в известной мере Вильгельм II своему кузену в его дальневосточной авантюре.

Приблизительно с середины 90-х годов дальневосточное направление становится на целое десятилетие приоритетным в российской внешней политике. Захватнические устремления царизма, грезившего

о незамерзающем порте на Дальнем Востоке и своей доле в территориальном разделе находившегося в средневековой полудреме Китая, оказались в остром противоречии с хищническими интересами молодой капиталистической Японии. Россия вместе с Германией и Францией демаршем флота принудили Японию отказаться от территориальных приобретений в Китае, которые она получила в результате победоносной войны с последним в 1895 г. Через три года, в 1898 г., эти территории¹ оказались в руках России на правах бесплатной многолетней аренды. Порт-Артур был превращен в военно-морскую базу русской Тихоокеанской эскадры. Ляодунский полуостров с прилегающими островами под названием Квантунской области был включен в состав России. Одновременно через концессии и железнодорожное строительство Россия осуществляла экономическую экспансию в Северный Китай.

Усиление России в дальневосточном регионе не могло оставить равнодушным ни одно из государств, простиравшим в этот регион свои захватнические интересы. Особенно болезненно следила за этим Япония. Национальным оскорблением считали японские милитаристы пересмотр Симоносекского мира. Идея реванша получила широкую поддержку и в других кругах японского общества. Широко была развернута резкая антирусская пропаганда. Фактически сразу же после вынужденного отказа от китайской территории, полученной Японией по Симоносекскому миру, Япония приступила к подготовке к войне с Россией. Программа вооружений на суше и на море, благодаря усиленному финансированию, была в основном выполнена уже в 1900–1901 гг. Японское правительство торопилось, ибо ему выгодно было начать войну с Россией до завершения последней строительства Транссибирской железной дороги. Активно действовала и японская дипломатия. Наибольшим успехом ее был заключенный в 1902 г. договор Японии с Англией. Этот договор обеспечивал Японии финансовую поддержку со стороны Англии, а главное являлся серьезной преградой для союза России с Германией и Францией в военных действиях против Японии. Следует подчеркнуть, что союза с Японией искала и Англия. Естественно, не ради осуществления империалистических планов Японии в Корее и Китае. Руками Японии Англия стремилась ослабить Россию, как главного конкурента по влиянию на Китай, а также сделать ее сговорчивее на Ближнем и Среднем Востоке. Лелеялась и надежда вовлечь со временем Россию в антигерманский блок под своей эгидой.

---

¹ Ляодунский полуостров с прилегающими островами и портами Далянем и Порт-Артуром.

Нельзя сказать, что неизбежность войны с Японией не осознавалась в правящих кругах России. Там были влиятельные силы, группировавшиеся вокруг А. М. Безобразова, которые выступали за ускорение событий. О маленькой победоносной войне на Востоке мечтал министр внутренних дел В. К. Плеве, надеявшийся на то, что шовинистическим психозом, который вызовет такая война, удастся приостановить скатывание страны к революции. Тем не менее к началу войны в феврале 1904 г. царское правительство оказалось не готово ни в военном, ни в дипломатическом отношении. Франция была недовольна отвлечением сил России на Дальний Восток. Она не намерена была ради своей союзницы принимать участие в военных действиях и ограничилась лишь оказанием ей финансовой помощи. В планы Германии входило ослабить Россию и франко-русский союз, отвлечь на возможно долгий срок силы России от германской границы на далекую восточную окраину. Она поощряла царизм в его экспансионистских устремлениях на Дальнем Востоке. Вильгельм II в переписке с Николаем II характеризовал эти устремления как миссию спасения „белой расы” от опасности поглощения „желтой расой”, величал Николая II „адмиралом Тихого океана”, а себя „адмиралом Атлантики”. В то же время германское правительство однозначно заверило Японию в том, что 1895 год не повторится, что никаких совместных действий с Россией против Японии оно не предпримет.

В ходе войны царизм потерпел ряд сокрушительных поражений и на суше, и на море. Война дорого обошлась русскому народу². Война стала ускорителем революции, которая была не только крупным внутрироссийским событием, но имела и сильное международное звучание. Она поставила царизм на грань катастрофы. Ее опасность в правящих сферах страны была оценена выше, чем опасность внешняя. Необходимость мобилизации всех сил для подавления революции была главной причиной, побудившей царизм пойти на заключение мира с Японией.

Известно, что условиями активной внешней политики являются стабильная обстановка в стране, удовлетворительное состояние финансов, сильная армия и флот. В России войной и революцией все из названного было выведено из нормального состояния, приведено в расстройство, ослаблено. В ходе войны была уничтожена или захвачена противником значительная часть Тихоокеанского и Балтийского флотов. Черноморский

² Потери русской армии составили около 270 тыс. чел., из них 50 тыс. погибшими. Расходы на войну составили свыше двух миллиардов рублей. Россия должна была отказаться от территориальных приобретений в Китае, потеряла южную часть Сахалина и Курильские острова.

флот, не принимавший участия в боевых действиях, из опоры правительства превратился уже осенью 1905 г. в опасный очаг революции. По свидетельству военного министра А. Ф. Редигера, Николай II обмолвился однажды о том, что Севастопольская крепость должна быть готова к тому, чтобы пустить Черноморский флот ко дну. Специальная комиссия под председательством великого князя Николая Николаевича, возглавлявшего Государственный совет по обороне, в ноябре 1905 г. рассматривавшая вопрос о судьбе флота, пришла к единому мнению, что его „надо раскассировать и начать заново формирование его личного состава”³. Не намного лучше было положение в армии. Армия была превращена в полицейскую силу. Лишь в течение десяти месяцев 1906 года войска 2330 раз вызывались на помощь гражданским властям, при этом в 158 случаях было применено оружие. На неоднократные заявления военного министра А. Ф. Редигера, о том, что войска не обучаются, „безбожно трепятся” на полицейских функциях, Совет министров хладнокровно отвечал, что „о новом боевом употреблении армии на долгое время не может быть и речи, так как Россия до того ослаблена и разорена, что ей надолго нужен мир во что бы то ни стало, а при таких условиях вопрос об обучении войск можно отложить. заботясь пока лишь о наиболее насущном – о водворении в стране порядка и безопасности”⁴.

Война и революция подорвала финансовую систему России. Руководители финансового ведомства постоянно били тревогу по поводу „исключительно трудного положения” государственного казначейства. Высказываясь по поводу бюджета на 1908 год, министр финансов отмечал, что страна за последние годы перенесла ряд тяжелых потрясений. Война с Японией, внутренняя смута, наконец, небывалый по своим размерам неурожай, охвативший обширные районы, оставили трудно изгладимые следы. Крупные расходы требовались на те внутренние преобразования, на которые принудила царизм революция. Значительный рост расходов существенно превосходил доходные поступления в государственную казну. К тому же казна лишилась такого возможного источника своего пополнения, как выкупные платежи. В который раз министр финансов безрадостно информировал правительство о значительном бюджетном дефиците на очередной год. Министр призывал к режиму строгой экономии, но лишь им спасти положение было нельзя. Для того, чтобы сводить концы с концами, царское правительство вынуждено было обращаться к крупным иностранным займам. Так лишь благодаря беспрецедентному по своему

³ Записки А. Ф. Редигера о 1905 годе, „Красный архив” 1931, т. 2 (41), с. 94–95.

⁴ Там же, т. 5 (60), 1933, с. 127.

объему, почти миллиардному внешнему займу, правительство избежало финансового краха в 1906 г.

Обескровленный войной и революцией царизм сознавал, что необходимо сосредоточиться прежде всего на внутренних проблемах, выйти из того кризисного состояния, в котором он оказался. Революция поставила вопрос о его жизни или смерти. На время царизм вынужден был оставить все свои экспансионистские амбиции, ибо на их осуществление не было ни средств, ни сил. Уже в июне 1905 г. С. Ю. Витте писал А. Н. Куропаткину, что „нужно лет 20–25 заняться только самим собой и успокоиться во внешних отношениях. Пусть только нас оставят в покое, а самим нам нужно оставить всех в покое”⁵. Эта идея составляла основу программы А. П. Извольского, ставшего министром иностранных дел в 1906 году. Свою задачу он видел в том, чтобы „обеспечить России мир от Комчатки до Гибралтара лет на 10”⁶.

Сторонником этой идеи был и П. А. Столыпин, возглавлявший российский кабинет в 1906–1911 гг. Это был, пожалуй, наиболее существенный корректив, который царское правительство внесло в содержание своей внешней политики под влиянием войны и революции.

Изменен был и приоритет в региональной ориентации внешней политики. В ее структуре западное направление вновь становится ведущим. „Центр тяжести влияния, – как говорил А. П. Извольский, – должен быть не на Дальнем Востоке, а на Западе”⁷. В июле 1907 года были подписаны документы, регулировавшие отношения с Японией. Однако в правящих кругах России понимали, что стабильность отношений с Токио возможна лишь при условии соглашения с Англией. Достижение этого соглашения стало одной из важных задач российского внешнеполитического ведомства. Условия и предпосылки для решения данной задачи были созданы войной и революцией. Уход России на Дальний Восток привел к тому, что ее союзница Франция вынуждена была, в виду активизации Германии, пересмотреть свои отношения с Англией. Следствием разрешения спорных колониальных вопросов между этими странами стало сердечное согласие (Антанта), достигнутое ими в 1904 году. К России данное соглашение прямого отношения не имело. Но вряд ли можно сомневаться в том, что определенную роль в понижении порога противостояния между нею и Англией оно сыграло. В этом же направлении свое влияние оказывали и те решительные меры, которые принимались царизмом по подавлению революции, поскольку эти меры уменьшали вероятность распространения

⁵ Там же, т. 6 (19), с. 80.

⁶ А. А. Подиванов, *Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг.*, т. 1, Москва 1924, с. 29.

⁷ Там же, с. 18.

„революционной заразы” как в Западную Европу, так и на Средний и Ближний Восток, регионы английского колониального владения или влияния. Так Гардинг, английский посол в Петербурге, передавал от имени своего правительства российскому премьеру Витте, что английское правительство „с радостью следит за энергией, ныне проявляемой русским правительством. Крайне одобряет эту энергию и надеется, что впредь она будет также поступать и таким образом совершенно овладеет революционным движением”⁸. Таким образом, английское правительство по своему отношению к русской революции было по существу с царизмом по одну сторону баррикад. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что английские банки вместе с французскими и немецкими, кредитовали царское правительство в его борьбе с революцией. Издавна царизм видел в английском правительстве не только противника на международной арене, но и подстрекателя сил, выступавших против него внутри России. Позиция, занятая английским правительством в отношении первой русской революции, меняла былое представление, способствовала установлению большего доверия между Петербургом и Лондоном.

Главное же заключалось в том, что царизму приходилось смириться с тем, что в годы, которые потребуются для преодоления внутреннего кризиса, не будет никакой надежды раздвинуть границы своего влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Сохранение же былой напряженности с Англией в этих регионах могло произвольно в любое время разразиться открытым столкновением. Чтобы предупредить такой вариант развития событий, царское правительство вынуждено было пересмотреть свою позицию в этих регионах и принять предложение Англии, неоднократно высказывавшееся ею с начала 900-х годов, о разграничении сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке. В августе 1907 года длительные переговоры между Россией и Англией закончились подписанием в Петербурге соглашения о разграничении интересов в Персии (Иране), Афганистане и Тибете. Это соглашение являлось важной вехой в формировании Антанты, в размежевке сил на мировой арене, в продвижении человечества к мировой войне. Впрочем, таково было объективное, глобальное значение этого соглашения. Царская дипломатия так глубоко его не рассматривала. Для нее оно было лишь одной из удачных тактических мер в осуществлении насущной стратегической цели – обеспечения для страны внешнего мира и покоя на время решения ее своих внутренних проблем, восстановления мощи, подорванной войной и революцией.

⁸ Дневник Г. О. Рауха, „Красный архив” 1926, т. 6 (19), с. 99.

Поворот в отношениях с Англией есть все основания рассматривать в числе тех существенных признаков, которые характеризовали те качественные изменения, которые произошли во внешней политике России под влиянием войны с Японией и первой русской революции.

Mikołaj D. Jerofiejew

ZMIANY W POLITYCE ZAGRANICZNEJ ROSJI
POD WPLYWEM WOJNY ROSYJSKO-JAPOŃSKIEJ I REWOLUCJI LAT 1905–1907

Zdaniem autora, wydarzenia lat 1905–1907 wywarły przemożny wpływ nie tylko na politykę zagraniczną Rosji, stanowiąc w jej historii ważną cezurę, ale też i na cały system stosunków międzynarodowych dziesięciolecia poprzedzającego wybuch I wojny światowej. Cofnięcie się Rosji na Dalekim Wschodzie spowodowało cały łańcuch reakcji, wśród których za najistotniejsze uznaje autor: istotną korekturę polityki Francji w stosunku do Wielkiej Brytanii, co znalazło wyraz w zawarciu – mimo wcześniejszych bardzo istotnych sprzeczności na tle spraw kolonialnych – tzw. Entente cordiale; znaczne zainteresowanie Londynu zbliżeniem z Petersburgiem, którego bazą było przekonanie Brytyjczyków, iż zaabsorbowany wewnętrznymi problemami carat przestał być groźnym konkurentem w walce o wpływy na Bliskim i Środkowym Wschodzie. Ciekawe są rozważania autora dotyczące genezy konfliktu rosyjsko-japońskiego, jak też stosunku do niego Niemiec i Francji.